

Альманах літературної студії «Вуглик»

Б *ерег* **П** *оезії* **І**
ерег *оезії*
ерег *оезії*

Альманах літературної студії «Уголек»

Дніпропетровськ
Інновація
2009

ББК 84 (4 Укр) 6-5
Б48

Б48 **Берег поезії:** Альманах літературної студії «Вуглик» /
Упорядник Є.Д. Прудченко – Дніпропетровськ: Іновація,
2009. – 116 с.

До збірки увійшли твори членів літературної студії
„Вуглик”, що вже більше сорока років діє у Національному
гірничому університеті.

Вірші друкуються в авторській редакції.

ISBN

© Прудченко Є.Д., упорядкування, 2010.

В с т у п н е с л о в о

Шановний читачу!

Човен твоєї цікавості пристав до берега поезії. Підходь до нашого поетичного вогнища, яке розклали на цьому березі учасники літературної студії «Вуглик» Національного гірничого університету (м. Дніпропетровськ).

Вже 40 років полум'яніє наш «Вуглик», 40 років до його літературного багаття тягнуться поети та прозаїки, щоб знайти тут розуміння своєї творчості.

Сьогодні у нашому колі – люди різної вдачі та різних уподобань, цікавих різноманіттям своїх стилів і творчих підходів.

Цей альманах представляє лише незначну частину наших авторів, але дає можливість судити про обширний творчий діапазон літстудії.

В альманасі багато лірики, яка неодмінно зачепить душу, належне місце займають філософські твори, в яких автори розмірковують над проблемами сучасного світу, є і віршовані анекдоти, що, напевно, потішать та звеселять.

Євген Прудченко,
письменник,
керівник літературної студії «Вуглик»

***В**ступительное слово*

Уважаемый читатель!

Ладыя твоей любознательности пристала к берегу поэзии. Присаживайся у нашего поэтического костра, который разложили на этом берегу участники литературной студии «Уголёк» Национального горного университета (г. Днепропетровск).

Уже **40** лет пламенеет наш «Уголёк», **40** лет к его литературному очагу тянутся поэты и прозаики, чтобы найти здесь понимание своего творчества.

Сегодня в нашем кругу – люди разных характеров и вкусов, интересных многообразием своих стилей и творческих подходов.

Этот альманах представляет лишь незначительную часть наших авторов, но дает возможность судить об обширном творческом диапазоне литстудии.

В альманахе много лирики – она непременно затронет душу, должное место занимают философские произведения, в которых авторы размышляют над проблемами современного мира, а рифмованные анекдоты, наверняка, потешат и развеселят.

Евгений Прудченко,
*писатель,
руководитель литературной студии «Уголёк»*

Любовь Томская

* * *

С добрым утром, забытое чувство!
Замирая, крадется рассвет...
По заросшему буднями руслу
Снова льется загадочный свет.

И любовь, пеленая в сомненья,
В закоулках сознания брожу,
Погружаясь в твое отражение,
В нем свое отражение ищу.

2009

Š

* * *

Осторожней в движеньях лишних –
Мы над бездной идем по канату,
Ведь на этой дороге жизни
Самый главный закон – расплаты.

Каждым шагом и каждым словом
Мы себе бумеранг посылаем.
Зло есть зло под любым покровом,
Доброта же всегда святая.

Мы – не судьи! Так будем выше,
Выше зависти, выше сплетен.
Может лучше – не все услышать,
Может проще – не все заметить.

Застилает глаза обида,
Мечь мечтает одеть оковы...
Отпустите! И пусть Фемида
Претворяет свои законы.

2008

§

* * *

Жизнь трагична в своей обреченности,
Но зашторим грядущую ночь!
Чтоб купаться в рассвете влюбленности,
Постигая прекрасного мощь...

Чтоб оковы гнетущего времени
Не сломили наш разум и дух,
И огонь одержимого рвения
До последней минуты не тух!

2009

§

* * *

Как будто все давно знакомо,
Но в сердце, словно в первый раз,
Под старым и избитым словом
Любовь загадкой родилась.

Среди осенних ожиданий
Ворвалась дерзкая весна.
Несет водоворот желаний
И даже бездна не страшна.

2009

§

* * *

Хочу испытать по капле твою нежность
И точно так свою тебе дарить,
Чтоб растянуть любовь на бесконечность
И каждым мигом счастья дорожить.

Чтоб просыпаться с сердцем окрыленным,
Ловить лучи, купаясь в облаках;
И пусть слезинки радости соленой
Росой любви рождаются в глазах...

2009

§

Струна чистоты

Откровение за откровение...
Пролагаем друг к другу мосты.
Теплотою согреты мгновения,
Заслонившие мир суеты.

В этой жизни мы все не безгрешные,
Но у всех есть струна чистоты,
И мелодии самые нежные
Мы таим как святые мечты.

2009

* * *

Прости, не злись, я знаю, что придумала
Напрасно эту сказку про любовь.
Не фарс, не блажь – живое чувство вдунула
В фантазию, пришедшую из снов.

Слепое счастье, остров вдохновения,
Пристанище заснеженной души...
Безропотное, доброе творение –
Я в эту сказку не пустила лжи.

И если что-то в ней не настоящее.
Так это ты, мой сказочный герой,
Разбивший былль хрустальную, звенящую,
Не принявший отведенную роль.

2009

§

* * *

Задевший душу
в ней останется,
Я никого не отпущу,
И память – доброе пристанище –
С годами чаще ворошу.

Она становится богаче
И лишь дороже
с каждым днем.
Туда сокровища мы прячем,
Хоть цену позже познаем.

2009

§

* * *

Ты живешь со своим любимым
В городе, им даримом,
В городе, им построенном,
в городе изо льда.
Принимаешь за настоящее
То, что только на солнце блестящее,
И не знаешь, что в сердце бывает
просто вечная мерзлота.

Ты живешь со своим любимым
В городе, им даримом,
В городе, им построенном,
в городе изо льда;
А вокруг разливает краски
Жизнь реальная, жизнь без маски,
Созревает, со злом сражаясь,
словно истина доброта.

Но когда-то лучами солнца
И тебя теплый мир коснется,
И растает твой мнимый город,
город фальши и пустоты;
Ты поверишь, что в этом мире
Не святые горшки лепили,
И из радуги вновь проложишь
к позабытым мечтам мосты.

2001

§

Эликсир счастья и линзы

У него было всё и ничего. «Всё» – как у всех: семья, дом, работа, и «ничего», потому что ничего из этого он не любил. Всё это не приносило ему счастья, оно не было таким, каким он себе придумал это еще в юности.

Впрочем, в его жизни все-таки было что-то, что он любил больше всего на свете. Эликсир счастья. Никто не знал об этом средстве, и он тщательно оберегал свою тайну.

При одной только мысли о чудотворном эликсире, он ощущал приятное возбуждение во всем теле и томительно ждал момента слияния. Наконец, он выпивал долгожданные капли, и все вокруг менялось. Мир сверкал яркими красками, излучая тепло и благодущие, и все проблемы мгновенно растворялись в этом ласковом свете. Он ощущал в себе силу и уверенность. Энергия переполняла его естество, а идеи рождались одна за другой, требуя выхода на свет. Окружающие слушали его с большим вниманием, поражаясь глубине мыслей и восторгаясь его душевными качествами. И это было счастьем...

Вот только одно обстоятельство омрачало чудесное состояние. Его жена. Каждый раз, когда он принимал эликсир счастья, она тотчас вставляла контактные линзы. Это были необычные линзы, в сравнении с эликсиром счастья, – с точностью до наоборот. Все его слова и действия жена воспринимала извращенно. Он чувствовал это по ее взгляду, полному ненависти и презрения. «Зачем она вставляет эти линзы?». Вопрос мешал ему наслаждаться счастьем.

Она жила своей жизнью, в которой додумывала все недостающее. Взвалив на плечи груз забот и проблем, она упорно шла к своей цели, не обращая внимания на то, что могло бы отвлечь ее от намеченного пути. Нет, она не нуждалась в чьей-то помощи, ей хотелось одного – чтобы

ей не мешали. Она понимала, что мужа раздражает собственная «ненужность», но даже не пыталась что-то исправить, вернее давно смирилась с невозможностью что-либо изменить...

Кошмар повторялся регулярно.

Она с отвращением смотрела на опустившееся создание, которое мало напоминало человека разумного. Его самодовольная улыбка свидетельствовала об отключении контроля. Муж производил какие-то активные, но бесполезные действия; бесцеремонно вступал в разговор, назойливо навязывая свои идеи, которые содержали сплошную чушь. Окружающие, скорее из тактичности, потакали ему, впрочем, он едва ли давал им возможность вставить какое-то слово.

Ей хотелось провалиться сквозь землю, бежать сломя голову от этого позора... А время тянулось мучительно долго. «Опять сорвусь», – подумала она. Уснула в эмоциональном изнеможении.

Ночью проснулась от неясного шума. Муж производил обыск в спальне. «Что ты здесь ищешь?», – холодным голосом спросила она. «Линзы, твои контактные линзы. Ты из-за них злая и несчастная. Давай, их выбросим! Ну, где же они?»

«Какие линзы? Бред, чистой воды бред», – подумала она и ответила: «Я их не снимаю».

2008

Г а л и н а А л е к с е е в а

Чужая жена

Темной ночью впервые пришла
Молодая чужая жена.
И земля из-под ног поплыла,
Охмелел, словно выпил вина.

Сбросив на пол узорную шаль,
Расстегнула на платье крючки,
И весь мир завернулся в спираль,
О любви стрекотали сверчки.

Нас венчала шальная гроза,
Рвалась к небу листва тополей,
Но темнели в углу образа –
Мы попрали законы людей.

И змеей заскользила молва,
Старый муж об измене узнал,
Он не тратил пустые слова,
Только вспыхнул на солнце кинжал.

Пророк

Мне известно: не любят в Отчизне строптивых пророков,
Что их жизнь коротка и тернист заповеданный путь.
Я грядущее знаю и час приближения сроков,
Но властям вопреки, открываю пророчества суть.

Я не сам упаду, а подняться немедленно надо,
Но удар за ударом, и кровь заливает лицо.
Пусть удары держу, но не жду от судьбы я пощады.
И все ближе враги, все теснее тугое кольцо.

Но в застенке сыром, где на окнах решетки стальные
Я себя не предаю, отрекаясь от сказанных слов,
Я свободу люблю, эти запахи воли хмельные,
Но и честь обменять на предательство я не готов.

Дух пророка могуч и земному суду не подвластен.
Мне не страшен любой убивающей власти приказ.
Есть другой судия, он невидим, суров и прекрасен,
Перед ним я отвечу в судьбою назначенный час.

Метель

Зима пришла, украсив город,
Метель с собою привела,
Швырнула черно-белый холод,
Немного света без тепла.

Метель метет, в снежки играя,
Деревья гнутся на ветру,
В заносах снежных утопая,
Береза мерзнет на яру.

Летят колючие снежинки,
То кружат в воздухе юлой,
То вдруг прилягут у тропинки,
Как будто манит их покой.

Метель скулит, как волчья стая,
Пути-дороги замела,
Но мчится тройка удалая
От снега вся белым бела.

А седокам метель по нраву –
Их кони мчат в седую даль,
Весь мир, как легкая вуаль
Заправлен в снежную оправу.

Я буду ждать

Последний луч унылого заката
Мелькнул за облаками и погас,
А в сумраке я слышу гул набата –
Еще мы рядом, но последний раз.

А ночь уже свой звездный плащ надела
И в глубине застыли облака.
Моей тоске и боли нет предела,
В твоей руке дрожит моя рука.

Еще мы вместе, но душа рыдает,
А может сердце чувствует беду.
Зловещий Марс костром в ночи пылает,
Пока ты здесь я с мола не уйду.

Гудок прощальный, словно крик печали
Вдруг разорвал покой ночной тиши.
Еще ты здесь, но пароход отчалил,
Прощай. Я буду ждать тебя. Пиши.

§

Не спрашивай

*... смерть каждого Человека умяляет и
Меня, ибо я един со всем человечеством,
А потому не спрашивай никогда, по ком
Звонит колокол – он звонит по Тебе.
Д. Донн.*

Любого смерть нас умяляет в жизни,
Единство нарушая всех людей.
Не спрашивай, по ком рыдает тризна –
То наша жизнь становится бедней.

Как память о былом – сухие розы,
Уносит ветер жизни день за днем,
Друзья уходят – это боль и слезы,
Все меньше лиц за праздничным столом.

Вселенная меж нами исчезает,
Когда уходит в мир иной наш брат...
Не спрашивай, что колокол вещает –
Ведь это по тебе звучит набат.

Слово до читача

«Світ вижив тому, що сміявся!» – цей класичний афоризм приписують від Аристотеля і Данте до Бомарше, Фучика, Твена та Леца. Тобто, можна сміливо стверджувати, що останні 2500 років це є універсальним рецептом для виживання. А зовсім не нова економічна теорія, як у цьому нас прагнуть переконати політики..

А зверніть увагу, як гостро реагують на сатиру можновладці, що зайвий раз говорить про силу гострого слова і про їх справжній, а не придуманий авторитет. Як говорив Рабіндранат Тагор: «Великі зірки не бояться, що їх приймуть за світляків». І як не пригадати слова А.П. Чехова: «Не розуміє чоловік жарту – пиши пропало! І знаєте: це вже несправжній розум, будь людина хоч семи п'ядей у лобі».

Замість солодкого, для деяких, страждання, я пропоную тобі

РИМОВАНІ АНЕКДОТИ

*я
кі піднімуть настрій, звеселять душу і ти зрозумієш, що немає в світі нічого такого, над чим не можна було б посміятися.
Навіть над своїми негараздами!*

З повагою, завжди ваш д.т.н., проф. І.М. Пістунів

Заощадливість по-американські

Три друга проводжали четвертого у Вічність
Кругом труни стояли, дрижали, наче в січні.

Тут перший друг озвався: «Давайте як підмогу
Вкладемо трохи грошей друзяці у дорогу.

Там може, за межею, прийдеться «забашляти»
Як пекло – холодочок, як рай – тепло щоб мати».

На цім, на теплім слові кладе в труну десятку.
«Оце, – мовляв, – друзяко, хай буде добра згадка».

І другий теє робить, кладе й свої «доляри»:
«Оці нехай же гроші до перших будуть пари».

А третій, розумніший, у чек тридцятку пише,
Кладе у домовину, мовляв: «Для всіх зручніше».

А двадцять забирає, та й каже у привіті:
«Хай буде йому добре і легко на тім світі».

04.03.2009

Гірка розлука

Сльозами сходила прегарная дівчина
Військкомісаріату поблизу воріт,
І серце краялось не в одного мужчини,
Що ця краса вже сирота з сиріт.

Спитав суворий, злий майор Пилипів:
«Що, нареченого забрали й серце – тьох?»,
Крізь сльози бідолашна тільки хлипа:
«Так, вже забрали, зразу всіх п'ятьох».

4.03.2009

Розмова у темряві

- Ну що?
- Іще.
- Ти що?
- А що?

4.03.2009

Прогулянка Дніпром на човні

Петро й Орися по Дніпру пливли,
Дув теплий вітер, хвильки з вітром грались.
Раз у човні лиш вдвох вони були,
То вирішив Петро в усім признатись:
«На річці, люба, сил нема мовчать,
Кохаю я, з тобою в рай долину.....
Хоч не люблю поступливих дівчат,
Не забувай – човна взяв на годину!».

4.03.2009

Думи мої, думи... або Хто про що подумав

Хлопець з дівчиною в ліжку грають в «мамку й тата»,
Хряпнули батьки дверима та й ідуть у хату.
Хлопець дума: «Аж надвечір, думав, повернутись!
Що тепер робить не знаю, ой поб'ють, боюся».
Дівчина тоді зраділа: «Ну тепер вже точно
Поведе мене до шлюбу – у крові ж сорочка».
А матуся дума: «Боже, як вона вляглася?!
Хлопчику ж незручно зовсім. Й гола роздяглася!».
А татусь сів на підлогу і за чуба взявся –
Дивлячись на цю картину. Так він здивувався:
«От і виріс мій синочок, і не зчув як сталось,
Ось і маю допомогу я собі на старість.
Все, малим вже називати мого сина досить!
То куплю я мотоцикла, бо ... давно вже просить».

4.03.2009

Про дівочу цноту

– Ну, Ганнусю, будь моєю, хоч разок, а краще двічі.
– Боже ж мій, я ж ще цнотлива, схаменися, чоловіче...
Знає хто мою цю вдачу, то й розмов не починає...
Та і потім після цього голова тріщить, ламає...

5.09.2009

Дорожня пригода

Їхав бізнесмен з Варшави і до Києва вертався,
А в купе сидить німкеня. Він зрадів – пожива ласа!
А бажання все зростає, але він не вміє «шпрехать»!
То почав їй малювати, і одразу вийшов келих.
Коли жіночка кивнула, то налив їй у чарчину
«От, – подумав, – досить просто спокусити цю людину».
Потім вийшли сигарети, жіночка і тут киває.
Він зрадів і з портсигару дві «гавани» витягає.
Тут фантазія скінчилась, вже не зна, що малювати,
А в німкені вийшло ліжко. Що це значить, не добрати?
Чолов'яга здивувався: «Що надумала не знаю?».
Запитав: «Як ви дізнались – я заводик ліжок маю?».

5.09.2009

Вдале порівняння

Півроку наш Семен торочив про любов,
Базікав про світи, які він їй розкриє,
Буденність залицянь не збуджували кров,
Досаду лиш одну. Вже знудилась Софія.

Прискіпливість ота, нарешті, в день один
Заставила дівча, ректи, задерши носа:
«З тобою провела я декілька годин
І ти, як океан... Мені від тебе млосно!»

6.03.5009

Заручини по-англійські

Лорд до лорда із букетом – руку попросити, –
Донька серце ж дарувала! Прямо, як на сцені!
Батько довго не вагався і прийняв ті квіти:
«То візьміть оту рученьку, що в моїй кишені!».

11.03.2009

Засіб для шлюбної ночі по-португальськи

Матуся донечку повчає, на ніч на шлюбну путь дає:
«Бурхливу хочеш нічку мати? Від устриць тіло повстає!».

На ранок доня звітувала про ніч, було як там і що:
«Чотири тільки спрацювали, а шість звелися на ніщо!».

11.03.2009

Мати вгадала

Син своїй матусі каже: «Глянь дівчата он стоять.
А яка з них наречена, зможеш мамо угадати?».
«Зовсім легко, мій синочку, – та, – фарбована й руда,
Що у неї зверх спідниці ще й білизна вигляда!».
«Як узнала, ми ж знайомі може два, а чи три дні?».
«Бо вона із трьох найбільше не сподобалась мені!».

29.03.2009

Про дикунів

- Мамо, в нашім сіновалу голих бачив я людей!
- Дикуни, напевне, синку. Не чекала я гостей!
- Хоч би там не наробили в сіні нам розгардіяш!
- Мамо, тьотя може й дика, але тато точно наш!

2.04.2009

Причина відльоту птахів у вирій

– Мамо, а чому лелеки
Взимку в Африку летять?
– Люди в тім краю далекім
Хочуть теж дитяток мать.

5.04.2009

На уроці зоології

– Сьогодні діти наша тема
Птахи. Почнемо ми з лелек.
– Брехні такої оберемок
Ми чули часто. Годі, брек!
З дитячих днів пішли далеко,
Щоб знову слухати про це.
Ніхто не вірить у лелеку,
Який дітей у дім несе!

5.04.2009

Зізнання подрузі

«Мій чоловік так часто скаче в гречку,
Що сумніви уже мене беруть:
Чи троє діток наших безперечно
Від нього? Чи мене він обминув?».

5.04.2009

Дарвінізм у сім'ї

«Слухай, тато часто каже, що проходженням своїм
Рід ведемо ми від мавпи», – це спитав у мами син.
«Тут не можу я ніяку дати відповідь тобі,
Бо з його батьками досі не знайома далєбі!».

12.04.2009

Дитяче обурення

За батьками хлопчик тихо дивиться у шпарку,
Чом вони неначе мавпи голі в зоопарку?
Від досади хлопчик дума: «І ці люди досі
Ще мені забороняють колупатись в носі!».

12.04.2009

Рибальське щастя

Чоловік на риболовлю рано-вранці устає,
Все зібрав – гачки, підсаку, і підкормка також є.
А надворі холод, з неба дощик ллється як потік.
Він тоді вернувся до жінки під її під теплий бік.
А вона йому спросоння: «Як погода, ти не змерз?
У таким дощі надворі не гуляє навіть пес!
От і добре, дуже рада, що сьогодні ти зайшов,
Бо мій дурень рано-вранці вже рибалити пішов!».

15.04.2009

Про янголів

«Моя дружина янгол справжній!», –
Один хвалився чоловік.
«Навряд чи з іншою пізнав, ні,
Я б щастя повного потік».
«Ти мабуть маєш добру вдачу» –
І похилилась голова...
«Ну а моя, якби ти бачив,
Іще живісіньким жива!».

15.04.2009

Про дефіцит кальцію

До лікаря прийшов Онисим:
«На кальцій в мене дефіцит!».
«Від алергії тільки висип,
А у суглобах не болить? –
Таке, оглянувши ретельно,
Йому промовив ескулап. –
Чому подумали напевне?
Чим ви підтвердите хоча б?»
«Моя дружина вже 3 роки,
Гуляє вільно там і тут,
Уже пізнала всі пороки,
А роги й досі не ростуть!».

15.04.2009

Про забобони

Жінка привела коханця – чоловік же десь в трудах.
Раптом чують, дзвонять в двері, обійняв коханців страх.
Жінка швидко розчиняє в спальні рами у вікні:
«Утікай скоріше, любий, не зганьбити б честь мені!».
Глянув той і нажахався, річ таку тоді веде,
Хоче трохи ще пожити, може горе обійде:
«Поверх номером тринадцять! Тут життю моєму край!».
«Зараз не до забобонів. У вікно мерщій стрибай!».

15.04.2009

Страшна підозра

Чолов'яга каже другу – видно вже дійшов межі:
«Раз в прихожій в мене вдома бачу чоботи чужі.
Забігаю я у спальню, там дружина з кимсь лежить
І такі хитрючі очі – видно встигли щось зробіть!
З переляку в холодильник заглядаю, так і є –
Пиво в пляшках до останку вони випили моє!».

22.04.2009

Як п'яниця привів додому гостей

Водить по своїй квартирі і пояснення дає:

«Тут ось кухня, тут вітальня, і вбиральня десь тут є.
А ось і спальня друзі, в ліжку любонька моя,
Поруч з нею в окулярах, то напевне буду я!».

22.04.2009

Як п'яниця привів додому коханку

Відчиня дружина двері – на порозі чоловік,
З ним якась чужа дівчина – і полився слів потік:
«Де ти шлявся, признавайся, і з тобою хто оце?».
Чоловік на це тихенько, відвертаючи лице:
«Замовчи, кажи тихіше, без претензій, ти, стара,
А оця коли спитає, скажеш, що моя сестра!».

23.04.2009

Про пріоритети у єврейській сім'ї

«Карл Маркс, це хто, мамусю, чом така хвала йому?».
«Знаєш, був економістом близько двісті літ тому».
«Ой, а наша тьотя Сара в цих питаннях теж мастак,
Бо вона економіст же ж?».
«Сину, це не зовсім так!
Я не знаю, як той Карло – тьотя Сара має хист,
Бо вона як десять років старший вже економіст!».

23. 04.2009

Розмова двох собаководів

«Ох і розумний в мене песик, він сам виходить погулять,
Побіга трохи, в двері дзвонить – і я виходжу відчинять!».

«Ніякого не бачу дива, – таке сто раз було в кіно,
І розуму не бачу також – у пса мого свій ключ давно!».

23. 04.2009

Про не дуже розумного пса

Зайшов у гості остолоп
Панько, й таку картину бачить:
З хазяїном руда собачка
У шахи грає за столом!
Панько у захваті скричав:
«Яка розумная собачка!».
Хазяїн: «Розуму не бачу,
З трьох партій песик дві програв!».

24. 04.2009

Про користь від науки

«Зоологію» читають двоє діток у садку,
Потім ходять до бабусі й починають річ таку:
«Ну скажи бабусю любя, можеш мати ти дітей?».
«Що ви дітки, ні, не можу. Чом спитали ви про те?».
Каже дівчинка хлопчині: «Увірвався вже терпець:
Бо тобі давно казала, що бабуся – це самець!».

28.04.2009

Жіноча гордість за свого чоловіка

На прийом у міністерство Опанас привів жону.
Походжають на фуршеті – вперше вивів в світ одну.
Жінка тут його питає: «Розкажи, хто люди ці?».
Опанас відповідає, але міниться в лиці:
«Це міністр, це його жінка і коханка теж при нім,
Це заступник, жінка й любка обіруч при нім одним».
«Хто ота приємна дама, що нудьгує при стіні?».
Чоловік: «Оце коханка, що належить вже мені»
Думає: «Ось зараз буде – крики, галас, люди в сміх».
Та дружина радо каже: «Ой, а наша краще всіх!».

28.04.2009

Мрії голодних студентів

«А давайте хлопці разом заведемо ми свиню,
М'яса й сала буде вдосталь кожен день у нас в меню».

«Ой, терпіти бруд та сморід. Ти придумай щось нове».
«Та нічого, свинка звикне, тут як трохи поживе».

2.05.2009

Що сказав тато?

– Синку, а що сказав татусю, коли гепнув молотком
по своїй руці сьогодні, коли лагодив балкон?

– Лайку, мамо, пропустити?

– Ну звичайно, сину мій.

– Ну тоді нічого, мамо, він мовчав, шипів, як змії.

2.05.2009

Про любов у подружньому житті

Чоловік упав у погріб. Жінка вниз йому кричить:

«Ти забився?». «Ні не дуже, і нічого не болять».

«Ну тоді вниз не треба тобі довго так стоять:

Огірків дістанеш банку, коли будеш вилізати».

2.05.2009

Про студентів-відмінників

В автобусі стоїть студент і плащ тримає у руці,

Такий худий, неначе смерть, ще трохи і віддасть кінці.

Бабуся з жалістю пита: «Ти мабуть вчишся краще всіх?».

«Та ні звичайний середняк». Сказав тихенько і затих.

«То дай хоч плащик подержу, бо ти ж одягнутий в пальто».

«Ні це не плащик, це Петро, от він відмінник на всі сто».

2.05.2009

Короткий лист студента додому

«Вишли сала, здрастуй мамо!».

2.05.2005

Портрет помічника

«А для чого ти у зошит вклеїв батьківський портрет?
Що, без цього на уроки не пускають в кабінет?».
«Вчитель бачить ідіота, що дурніший за щеня,
Хтів, бо той зробив за мене все домашнє завдання!».

2.05.2009

На уроці ботаніки

«Ну, Петренко, йди до дошки і скажи, ти вчив чи ні
Про гриби хоч щось, наприклад, з них які є їстівні?».

«Ганно Павлівно, знаннями можу радувати вас,
Що гриби всі можна їсти, тільки деякі лиш раз!».

2.05.2009

Сумні спогади про щасливе кохання

Прийшла вдова могилку доглядіть
Свого, почив що в Бозі, чоловіка.
Аж дивиться, там жіночка сидить
У траурі, і сльози крізь повіки.

– Що робите, вам цвинтар замалий?
Не знали б де іще отак присісти?
– Коханцями були ми двадцять літ,
То можу я відвідати це місце?

– Він вірним був і дома ночував,

І всю зарплату повністю приносив,
Ві сні ім'ям чужих жінок не звав,
Тому брехні такої з мене досить!

Можливо мова не про одного,
Чи кажете, щоб попсувати нерви?
– Нами вистачало премії його
І час впродовж обідньої перерви.

2.05.2009

Морська романтика

На підході до причалу розімріялись на мить
Троє друзів. І молодший мовив отакі слова:
«Ось у мене, мабуть, вдома вже накритий стіл стоїть,
І дружина в гарнім платті вже шампанське відкрива».

А стармех: «До жінки вдома злий, неначе сатана,
Ні не б'ю, але згадайте, що я зовсім не монах.
Бо як тільки я додому, на порозі вже вона:
У руках горілка з перцем і спідниця у зубах».

«Хлопці – ви не романтичні. Розкажу вам, як старпом,
Що приходячи додому, раз і другий подзвонив,
Враз до чорного до ходу перебіжками притьмом,
Жодного не знаю разу, щоб когось не перестрів!».

2.05.2009

Диво від віри

В католицькому соборі пролунав веселий крик:
- Я ходити може знову! – заливався чоловік.
- А коли це диво сталось? Ти стрибаєш наче кріль.
- А коли від цього храму вкрали мій автомобіль!

10.05.2009

Вибрики природи

«Як оманлива природа,
Голкошкірого народу», –
Їжачок таке сказав.
«Я-то думав їжачиха,
Помиливсь собі на лихо», –
Як із кактуса злізав.

11.05.2009

Батьківська радість

– Мій син сьогодні вперше «Тато» мовив
Такий мені сюрприз він підготовив.
– Де вашої сім'ї підтримав марку?
– Побачив як горилу в зоопарку.

11.05.2009

Зоологічні хитрощі

- Чому папуги в Африці зелені? –
Спитав учитель слухачів своїх.
- Бо вітер хилить пальми, наче клени,
От і папуг закачує усіх!

11.05.2009

Розмова двох закоханих

«Дарма мене ти, любий, знов ревнуєш,
Стоїш блідий, біліший молока,
В моєму серці ти один ночуєш –
То батько брав мене із дитсадка!»

11.05.2009

Дитячі ігри

«Діти, чом такі похмурі, чом ви мовчки сидите,
Чом не граєтеся разом?». Діти в відповідь на те:

«Є в нас іграшки, скакалки і комп'ютер поруч ось,
Та нічого нам не треба, бо в дорослих граємось».

11.05.2009

Турботлива дитина

– Ой скажи, мамусю люба, а чорнила ще в ціні?
– Ні, любенький мій синочку, не потрібні вже вони.

– От і добре, я боявся, що схвилюєшся ти, аж
Вилив вчора цілу пляшку на новенький килим наш!

11.05.2009

Юні підривники

Хлопці в бані череваня вгледіли й дивують,
«Що в середині у нього?» – так собі міркують.
Підійшовши, перший хлопчик запитався чемно:
«А що в тебе в животі є?». «Бомба величезна!».
«А давай її підірвем, поки він у душі».
«Небезпечно, – каже другий, – гніт короткий дуже».

13.05.2009

Про можливість генетичних проблем

«То краще узяла б шлюб з сатаною!», –
Кричала жінка мужу, той зі сміхом:
«Не дружиш, моя люба, з головою –
Шлюб з родичем близьким – велике лихо!».

13.05.2009

Вибіркова пам'ять

«Чому чоловіки не завжди пам'ятають,
Весілля дату? Чом жінки це знають?», –

Спитав у мудреця один, зітхнувши, тихо.
«Що, як забув, то вдома було лихо?».

«Було». «Скажи, ти маєш хоббі риболовлю?».
«Так, я давно займаюсь цим з любов'ю?».

«І зможеш пригадати дату перших ловів?
Погоду, риби сорт?», – мудрець промовив.

«О, першу свою рибку й дату добре знаю!».
«Тепер скажи, а риба пам'ятає?».

13.05.2009

Причина розлучення – «Нудно»

При розлученні питають чоловіка: «Чому ти
Хочеш раптом розвестися, можеш факти навести?».

«Бо нудна вже стала дуже, уявіть весна-красна,
Гріє сонечко надворі, все на світі розквіта,
А вона бурчить, до пляжу не пуцу, хоч спеки пік,
Як не винесеш, ледащо, ти ялинку на смітник!».

13.05.2009

Просто неподобство

Сусід кричить сусіду через двір:
«Собака ваша вила, наче звір,
Від гавкоту не міг вночі я спати,
То зачиняйте хоч на ніч у хату!».

«Хвилюєтесь, за сучечку мою?
Вона ж живе у мене як в раю –
Вгодована й прекрасна, як олень,
Та і чудово виспитьсь удень».

27.05.2009

Дім – повна чаша

Небіж тітку зустрічає
Й дуже весело волає:
«Ось тепер у нашім домі безперечно все вже є!».
Та на нього покосилась
І негайно напосілась:
«А чого таке придумав, все що в домі, все ж своє?».

Хлопець так розповідає:
«Це не я, батьки гадають,
Що з твоїм приїздом, тьотю в домі нашім буде все».
«А яким це словами?
Пригадай, як маєш пам'ять».
«Лиш її не вистачало, – знову чорт її несе!».

3.06.2009

Щастя від знань

- Знаєш, мамо, я сьогодні
Знав один лиш, що сказати,
Коли вчитель в день холодний
Всіх задумав опитати.

- Що ж спитав тебе учитель?
- Про пошкоджене вікно,
Хто розбив: людина, вітер?
Я сказав, що я.... Й давно.

3.06.2009

Хто хоробрий у сім'ї

Горілка так розв'язує язик,
І скарги почалися серед друзів,
Що жоден жити вдома не привик,
Що краще жити вільно, як катюзі.

Один лиш гордо вимовив слова:
- Ви слабаки, тоді вам так і треба,
До мене ж на колінах приповзла
Моя дружина. Маю ж трохи кеби.

Він став героєм усього стола.
- Про мужність про мою узнайте, друзі
Вона схилилась низько і рекла:
«Вилазь скоріш з-під ліжка, боягузе».

3.06.2009

Чого бояться жінки

Сварку чути на подвір'ї.
Чоловік кричить про те:
- Не пробуджуй зараз звіра,
Що якраз в мені росте.
Жіночка тоді лукаво:
- Іскри не пускай з очей
Хай росте тобі на славу,
Не боюся я мишей!

3.06.2009

Ирина Найдовская

Симфония любви

Слились мои желанья и твои,
Явилась сладость радостных мгновений.
И я жила волнением крови,
Аккордами твоих прикосновений.

Как хорошо на цыпочки привстать
И, руки положив тебе на плечи,
Твоё лицо и губы целовать,
Благословляя долгожданный вечер.

И ждать, что ночь симфонией любви
Наполнит чашу наших ощущений.
Пьяни, любовь, волнуйся и дари
Мелодию прекрасных сновидений!

§

Есть и другое!

Хрустальный денёк заалел на рассвете.
Зима подарила каникулы детям.
Сопит безмятежность. К чему суетиться!
Улыбками тронуты детские лица.

Сегодня им можно предаться и лени –
Попозже проснуться от сонных видений.
А дальше подарки, гулянья и ёлки.
Тетради и книги скучают на полке.

Свободные дни исполняют капризы –
Кто включит компьютер, а кто – телевизор.
Да мало ль у детства занятий любимых?
Хотя их и больше в заснеженных зимах.

Является вечер, приходит усталость,
И нежит ребёнка и зрелость, и старость,
И сына, и дочку, любя и балуя,
В семье провожают на сон поцелуем.

Но есть и другое! Нагрывший вечер
Сгибает усталостью детские плечи...
Подвал. И не ласковы тёплые трубы.
А тельце в лохмотьях, потресканы губы.

Прижалась к железу замёршая спинка,
Тропу по щеке проложила слезинка...
Наморщился лоб не по-детски упрямо.
И... где же ты нужное, чуткое «мама»?

Как чуден лес

Как чуден лес, когда весенней песней
И клейким листиком встречает он рассвет!
Купается в прозрачности небесной...
В нём пеной розовой боярышник одет.

Пенёк, проснувшись, показал росточки,
Пчела за дело принялась своё.
И под ногой зашевелились строчки
Бегущих по тропинкам муравьёв...

Дубок лениво думает о лете,
Ершится трав игольчатый покров
И первый луч целует веток плети,
Румяня щёки белых облаков.

Люблю тебя и в летнюю сиесту,
И в белом бархате искрящихся снегов.
Берёзка для меня – всегда невеста,
И осень для меня – всегда любовь!

§

Адамово ребро

Взгляни на женщину в расцвете,
На плод созревший для любви!
Что есть прекрасней на планете?
Найди попробуй, назови!

Чем ей дано пленять мужчину?
Душистым облаком волос,
Ртом, зазывающим в пучину,
Горящим лепестками роз;

Атласом щёк, звенящим смехом,
Лучистым трепетом ресниц...
И сердце отзовется эхом
На эту нежность без границ.

Её глаза – ещё лампы,
Их пламя страсти впереди.
И не удержишь оцупь взгляда
По бугоркам её груди.

Её любовь тебе, мужчина,
Дана на радость, на добро.
У Бога, знать, была причина
Изъять Адамово ребро!

Š

Вспоминая концерт молодого Муслима

Звучаньем «Бухенвальдского набата»
И арией, и песнею простой
Парнишкою вошёл Муслим когда-то
В поющий мир и стал его звездой.
Пусть нет и двадцати! Он узнаваем
И возведён толпой на пьедестал.
Афиши сообщили: «Магомаев...»,
И до отказа переполнен зал.
Высок, изящен, музыкальны руки...
В своей привычной позе, как всегда,
Стоит певец. И баритона звуки
Овладевают нами на года.
«Мелодия любви» в устах Орфея –
И впечатленье трудно передать.
А с каждой песней новые трофеи –
Поклонников бесчисленная рать.
В палитре красок нравственно высокой
Звучала гамма всем понятных чувств:
И уваженье к доле «Одинокой»,
И марш, и элегическая грусть.
Тогда не в моде подтанцовки были,
Но светлый дар отзывчивой души
Давал любой летящей ноте крылья,
А ноты так чисты, так хороши!
Но вот конец неистовых оваций,
Пропето всё, что зритель заказал...
Народ не торопился одеваться –
О слышанном и виденном жужжал.
В слезах у двери девушка стояла.
Её спросили: «Радость или боль
Вы в этот вечер вынесли из зала?».

И губы прошептали: «Он – король!».
Не верится, что он уже в могиле...
Пусть будет пухом для него земля!
Помянем же того, кого любили –
Помянем дорогого короля!

§

Горечь разлуки

Помню – у калитки друг четвероногий.
Не стоят, а пляшут молодые ноги.
Конь орловской крови – белые носочки,
Был согрет любовью и отца, и дочери.
Мыли и кормили, холили, ласкали.
Иногда побегать вволю разрешали.
Выйдет на дорогу – полетит, как птица.
Догони, попробуй! Только пыль клубится...
Грива развевалась чёрною волною,
Люди любовались буйной красотою.
А порою в стойле сытый и спокойный
Мой подарок детский принимал достойно.
Лакомый кусочек в те года был редким,
Но ему в кармане я несла конфетку.
Радость я хранила для минуты любой.
Знала – рук коснутся бархатные губы,
Влажными глазами благодарно глянет,
И на сердце слаще и теплее станет.
Только ненадолго та любовь и дружба –
В дальнюю дорогу собираться нужно!
Если носит форму человек военный,
Подчиненье – норма. Норма неперемнна.

Я вошла в квартиру... Папа у окошка.
Мама хлопотливо собрала дорожки.
Папу сильным знала. Почему слезинка?
Видно в глаз попала колкая соринка...
Помнил конь реально ласку рук прилежных,
И глядел печально на людишек грешных.
А в глазищах мука – только не попросит:
«Не бросайте друга! Я бы вас не бросил!».

Неизвестному солдату...

Подпалины вечернего заката
Затронули седые облака...
Пусть пламя в честь погибшего солдата
Искрится над гранитом на века!

Быть может, он в строю шагал мальчишкой
И собирал в бою остатки сил,
Знал о любви по песням и по книжкам,
А сам ещё ни разу не любил.

Отцу, сыночку, мужу или брату –
Тому, кем был для ближнего боец,
Сегодня «Неизвестному солдату!»
Пылает этот реквием сердец.

Пою тебя и новый праздник твой

*К 230-летию города
Днепропетровска*

Мой милый город, город у Днепра,
Особенно люблю твою красу я,
Когда огней цветная мишура
На карте ночи улицы рисует.
Когда ночная падает звезда,
И дышит Днепр живительной прохладой,
К вокзалам подъезжают поезда,
Шуршащие такси приедем рады...
Луна рябит дорожкой по реке,
Где силуэты «Поплавка» и зданий,
Случайный «опель» мчится налегке,
А в парках рдеют щёки от признаний,
Взойдёт заря, и рвению машин
Мосты покорные подставят спины,
Лучи коснутся каменных вершин –
Осветят новостроек исполины.
Заметушится уличный поток,
Трамваи повторят свои дороги,
И календарь уронит вновь листок,
Встречаясь с новым утром на пороге.
Недвижимый Шевченко над водой,
В соседстве он с церквушкой златоглавой;
И в синем небе купол золотой,
И над проспектом гордый факел славы.
Пою тебя и новый праздник твой!
В твоей судьбе таланты и наука.
Пуускай летят года над головой,
К тебе любовь – то счастья порука...

Ѕ

Свеча

Перед тобой стоят согбенно,
Земные горечи леча,
Свидетель ты любви и тлена –
Судьбой зажжённая свеча.

Ты – жития метаморфоза,
Где рядом плачут и поют.
Ты на свиданьеходишь с розой,
Приносишь радость и уют.

А запах! Он совсем особый,
Когда во тьме и при Луне
Роняешь слёзы ты у гроба,
Сияя робко в тишине.

Молитву, горечь, умиление
Святым сиянием луча,
Несёт во храм для вознесенья
Благословенная свеча.

Ты – символ жизни угасанья,
Хоть и приветствуешь венец...
Ты – рукотворное создание,
Но душу дал тебе Творец.

Вишнёвый сад (сонет)

Синеокий апрель отряхнулся от сна,
Ветерок пробуждается нежный.
По ветвистой канве суетится весна,
Вышивая узор белоснежный.

Сад вишнёвый – цветущий, ликующий сад –
Моего вдохновенья причина.
Вижу юного деревца ласковый взгляд
Сквозь лучей золотых паутину.

Каждый пестик надел лепестковый наряд,
Приглашая пчелу на свиданье.
И влюблённые пчёлы, желаньем горя,
В сотый раз повторяют признанья.

Где-то, может, и сакуру славит поэт.
Только вишенки нашей прекраснее нет!

Наталья Хорунжева

Прибой

Прибой шумит и лижет ноги,
Но знаю – он мой господин:
Сижусь, как нищий у дороги,
Жду подаяния глубин.

А он взбивает снегом пену,
Несет ее, кладя в ряды,
И что-то прячет сокровенно
Под этой толщею воды.

Дворца янтарные осколки
Рассыпаны на самом дне.
И он один, из многих стольких,
Преподнесет в подарок мне.

26.09.2007-27.03.2008.

§

* * *

Летела я, как птица, над землей –
А страха нет – ведь я у сна во власти.
Долина расстилалась подо мной.
Так ночь дарила две минуты счастья –
Сначала разбежалась – и с горы!
А руки – будто крылья! Воспарила.
О, как же знаки снов моих щедры!
А явь скупа. И я глаза открыла –
Какой был сон! На сердце горячо.
Ты в душу мне заглядывал еще.

20.10.08.

§

* * *

Как тяжек груз покинутых и вдов,
И пустота вокруг, как сумрак ночи.
И облегченья нет от вещей снов,
И сердце примирения не хочет.
Как узок мир с одною стороною,
Где нужно принимать самой решенья,
И быть за всё ответственной самой,
За все свои свободоизъявленья.

17.07.08.

§

Когда устану

В парчу одета и в шелка,
И бриллиантами сияя,
Живет душа моя века,
Земных забот не признавая.

Не увлеченная игрой
И шаткой верой в то, что нужно
Быть то ли строгой, то ли злой
И в простоте небезоружной,

Она отдельно строит дом,
Возводит стены вещим словом,
Чтоб оградить меня потом,
Когда устану от земного.

26.03.2008.

§

Крылья

«До свиданья, лето», – пели птицы,
Собираясь в стаи у реки.
Не летали гулкой вереницей –
Силы для полета берегли.

А журавль прирученный – на поле,
То туда пройдет, то сюда –
Крылья, как подрезаны под корень, –
Не летает птица, вот беда.

Он печально просит, словно нищий:
«Заберите, птицы, журавля!
Не хочу дарованную пищу.
Унесите в дальние края».

Улетела стая. Серой пылью
Покрывался медленно изгой,
Потому что сломанные крылья
Не поднимут тело над землей.

15.10.2008

* * *

По сколу, по краю,
На остром мече
Зову и внимаю
В едином ключе.

По пыли, по хляби
Отвергнутых троп –
Ни шагу, ни пяди –
Священный зарок.

Настойчивый голос
Взывает, зовет –
И снова – по сколу,
И снова вперед

По лунной дорожке,
По звездной пыли –
Я – с мягкостью кошки
От брэнной земли.

Ни звука, ни стопа,
А хаос и шум
Уже не затронут
Сознанье и ум.

То не для забавы,
А – цель бытия –
Где света октавы,
Там буду и я.

По сколу, по краю,
На остром мече –

Уверенна, знаю:
Ничто не вотще.

03.11.2008.

§

Яблоки

Уже тоска мой обнимает сад,
Но, как рубины, яблоки горят.
Листва опала, веточки пусты –
И лишь румянцем радуют плоды.
Уже засохли астры и вьюнок.
Я из листвы совью густой венки.
А яблок так достать и не пришлось.
Пускай висят. Бока омывает дождь.
Потом на свежеснеженном снегу
Зимой кусочек лета я найду.

15.10.2008

§

* * *

Покинув рощи и поля,
Уходит лето на зимовье,
И замерзают тополя,
Туманом полнятся низовья.

И яблоням стоять легко –
Все собрано богатство рая,
А горе трав так глубоко –
Они пожухли, умирая.

И прекратилась кутерьма
Жуков и мошек – вышли сроки.
Уже студеная зима
Идет в прозрачной поволоке.

И первой проседью мороз
Покрыл густую ветку клена.
Щетинкой тоненькой оброс
Листочек каждый удивленно.

От ранних сумерек везде
Теряют четкий лик предметы.
В патриархальной простоте
Зимы начертаны приметы:

Вот прячет носик белый кот,
Мохнатый шарф растет на спицах,
От грубы теплый дух идет –
И по утрам так сладко спится.

07.11.08 -.20.02.09.

Š

* * *

Разрушаются зыбкие дюны
И волна у прибрежных камней –
Так, бывает, и дружба у юных,
Молодых или старых друзей,

Обрываются связи – нет смысла
Продолжать и тянуть разговор.
Навсегда – не сложилось, не вышло,
И не стоило ждать до тех пор,

Когда все, что могли, рассказали,
Но слова – как дыханье зимы
В опустевшем проносится зале
После пира, а, может, чумы.

Так смычок неожиданно режет
Серебристую нежность струны –
Вы встречаетесь реже и реже.
Только лучше – совсем не должны.

26.02.09.

§

* * *

Считаю минуты на дело, на праздник –
Заботы – и снова корплю над листом.
Иным же писать – наказание. Разве
Понятен им будет мой праздничный стол?

На нем не красуются вина и яства,
Нарядный фарфор и хрусталь, серебро.
Что нужно поэту для праздника? Ясно –
Тетрадь, вдохновенье, свеча и перо.

16.10.08.-18.03.09.

§

* * *

Делим жизнь на мелкие отрезки:
Дни, недели, месяцы, года –
И считаем – что-то было веским,
А другое – мелочь, ерунда.

Зрелости приближенные дали
Вынуждают здраво рассуждать:
То, что ерундой тогда считали,
Стало главным через двадцать пять.

17.10.2008.

§

* * *

Из мрака – зарева
Глубокий вдох
Все тени – заживо –
Застал врасплох.

Текут сквозь ситечко
Крупинки льда –
Как будто ниточки,
Но суть вода.

Укройте гордую –
Самой невмочь.
Наклонит голову
Седая ночь.

Заката ль зарево,
Восхода свет –
Мгновенья капают
Десятки лет.

И снова алая
Влечет мечта.
В дне каждом малая
Есть высота.

ноябрь 2008.

§

* * *

В ожидании застенчивом
Я держалась в стороне.
Что же вы, мой друг изменчивый,
Руку не даете мне?

От того ль в печали брошена,
Что невинна и горда,
Не упала, не подкошена
И рука моя тверда?

От того вы по-приятельски
Не даете мне руки,
Что она дрожит предательски
От измены и тоски.

19.03.2008

§

* * *

Моя душа меня водила,
Моя душа меня вела.
Другая неземная сила
Её водителем была.

Вот так втроем мы, неразлучны,
Идем на чей-то тихий зов
В какой-то мир, бесспорно, лучший
Всех неизведанных миров.

24.06.07.

§

* * *

Ты – каменный, а я живая.
Ты, слов своих не расточая,
Застывшим изваяньем лжи,
Не преступая рубежи
Надменных, неуместных клятв,
Приумножаешь свой разлад.

Ты – каменный, а я живая,
Свободной птицею взлетая,
Легко парю над цепью дней,
Вдыхая ладан и елей
Молитв в моем небесном храме,
Забыв о давней нашей драме.

Ты – каменный, я не такая.
Водой живою окропляя
Твои следы, возвращу цветы,
Деревья, травы и кусты.
Так, вырастив прощенья сад,
Остановлю твой камнепад.

20.06.06.

Виктор Токарев

Перед Пасхой, или Страстная неделя

рассказ

Откуда приходят минуты счастья? Это тайна какая-то, загадка, энигма жизни. Ученые, конечно, ответили бы, наверное, так: в организме происходят определенные химические процессы, идет игра гормонов или что-то в этом роде. Но нет, что-то есть превосходное в том, что иногда находят моменты, когда беспричинно чувствуешь себя абсолютно ничем не обремененным. До дна, до самой, так сказать, глубины довольным необъяснимой радостью полноты бытия. Казалось бы, нет причины блаженствовать, но тебе почему-то, хорошо. Такое случается, конечно, редко. Чаще, все-таки, для многих житиё это подспудное ощущение большого труда, преодоление препятствий внутри себя, невидимая, тяжелая работа на контрастах. Бесконечное избавление от неуловимой тяжести, которая взвалена сверху и которую несем, несем и лишь мечтаем, когда же она, наконец, спадет.

Лев Петрович Серенький, мужчина лет под шестьдесят с заметной плешью на макушке, со скуластым лицом, крупным, похожим на картошку носом, бесцветными, скучными глазами возвращался вечером домой. Чему-либо радоваться причины у него не было. Он размышлял о жизни, о своих печалях и житейских заботах. Надо заметить, что Льву Петровичу казалось, что печалей на свете куда больше, чем того, что делает человека поистине окрыленным, возвышенным, даже, так сказать, уверенно и широко идущим по земным просторам.

- А что значит любить? Вот, например, представительницу другого пола любить... Неправда это всё, что там пишут всякие писаки и философы про какие-то чувства, сильные ощущения к слабому полу. Любовь это всё брехня, и еще раз брехня. Вот я жил со своей Тамарой в любви что ли?

Вот такие мысли-вопросы вползали в лысеющие голову мрачного гражданина, шедшего по одной из улиц большого города. Как раз где-то за неделю перед Пасхой, Воскресением Христовым.

Сверху над ним по еще почти голым, только кое-где проклюнувшимся листочкам на деревьях бегал неугомонный ветерок. И лишь на акациях еще с прошлого года висели небольшие гирлянды сухих семян и трещали как пропеллеры. На небе сияла луна, и к ней приплыло несколько крупных звезд. Само небо было далеким и безразличным. Оно всё принимало спокойно и хладнокровно. Всё что на земле не случись, всё однозначно вполне допустимо. Стихийные бедствия – так стихийные бедствия, эпидемия – так эпидемия. Развал страны – значит, развал. Это не для мелких и глупых умов. Замысел и величие Вселенной неоспоримо. Земля это только небольшой шарик в бесконечных просторах космоса. И что и как должно происходить на нем, не свинячьего и не собачьего это ума дело.

Лев Петрович, бывший легавый, оглянулся назад и, посмотрев, нету ли поблизости прохожих, слегка натужившись, пустил газы. Хлопок был негромким и поэтому сразу исчез в шуме ветра. Жил пенсионер одиноко в своей 2-х комнатной квартире. Дети уже давно были взрослые и разъехались. Жена долго болела сахарным диабетом, кололась инсулином, и еще у нее было слабое сердце. И вот так помучившись, уже 2 года как умерла.

Да, Пасха была не за горами. Большой светлый праздник. Хотелось что-то большого, но не понятно чего. Наверное, того блаженства, которого здесь почему-то нет.

Лев Петрович вышел в самый центр города, и его со всех сторон обступили высокие громады бетонных и стекляннометаллических зданий. Город за последние несколько лет очень изменился. Постройки в стиле модерн с ярусами этажей, эскалаторы и прозрачные стеклянные лифты в торговых центрах, паркинги для автомобилей с новыми шлагбаумами для выезда загородного транспорта, мегамаркеты с фонтанами – всё это пришло теперь и в город к Льву Петровичу.

- Вот только жизнь почему-то куда-то уходит. И не вернешь тех радостей, что были.

Пенсионер явно был отягощен своей тоской.

- Бедный я человек. Ну, чего стоит моя жизнь? Так, чуть меньше, чуть больше тысячи. А если перевести на доллары, так и вообще становится противно и гнусно. А ведь моя служба в органах – что это, как не расстройство своего здоровья. Сколько я повидал крови, трупов, блевотины, всякого дерьма. Это страх и ужас. Черт знает что. И что теперь? Опять ничего хорошего. Да сколько создано законов, правил, постановлений, и всё это только на бумаге. А в настоящей жизни всё совсем по-другому. А ведь милиция даже и не для порядка. Она и мафия живут только благодаря друг другу. Они лишь помогают друг другу существовать.

Лев Петрович Серенький почему-то вспомнил перестройку, обругал страшными словами бывшего президента СССР, его сухой закон и гласность.

- Я, конечно, простой смертный, – говорил он сам себе. – Приходилось и мне брать взятки. Случалось, бил всякое быдло и шваль резиновой палкой. Гулял с разными халявами и шворками. Надо было, забирал деньги у пьяных. А сколько конфискованных вещей перетаскал домой. А что теперь? Эх, Горбатый, Горбатый, развалил целую страну... Чтоб тебе ни кола ни двора не было.

У Серенького вдруг засосало и заурчало в желудке, и он почувствовал аппетит. Желание поесть наперло на него как трактор, и он поспешил домой. До дома еще оставалось

идти пешком минут 15-20. Он прошел по одной из улиц к набережной, вышел на широкой тротуар и на полусогнутых продефилировал к отдаленным ломам.

- Эх, праздников почти не стало, – рассуждал далее Лев Петрович. – Одна насмешка, а не веселье. А ведь какие были демонстрации на 1 мая, на 7 ноября. Какие слова громкие говорились. Закачаешься... Правда, приходилось долго стоять в оцеплении. Но зато вместе с народом, так сказать, в одной упряжке. А что теперь... Бардак и беспредел. Куда жизнь катится?

Серенький был мужчиной старых советских привычек и радостей с еще мало в чем переделанной жесткой программой. Он привык особо себя не проявлять, нигде не высываться. Лишнего слова ставящего под сомнение всё старое, накатанное, не выражать.

- Милиционер это – закон. Это даже, можно сказать, надзиратель. Но на новый лад.

Мутный коктейль из лицемерных мыслей, незаметно переходящих в легкую шизофрению, был привычным содержанием обезволосевшего в некоторых местах черепа Льва Петровича. Он, конечно, не замечал за собой, что все рассуждения о важности буквы закона как-то незаметно, скрытно от самого хозяина, плавно перетекали в зыбкие рассуждения о том, что законы это для дураков и идиотов. Хорошо живут хитрые, пронырливые и ушлые дельцы и аферисты. Он и про суды что-то знал. Верил, что без денег дело не сделаешь. Да и налоговая инспекция тоже не лыком шита. Это Серенькому всё было известно.

Пенсионер возвращался домой от своей сестры. Съездил он неудачно. Сестру дома не застал и теперь вот возвращался домой не пожравши. Он шел по асфальту и представлял, как зайдет домой, достанет из старого холодильника чекушечку, нарежет сала с мясной прослойкой, вынет из банки маринованных огурчиков, из той консервации, что делала Тамара, и может тогда от сердца отляжет, может, станет немного веселее.

Петрович прошел несколько сот метров по набережной. Она была хорошо освещена. А вот вода в реке была серая, со смешанным запахом речной сырости и мазута. Время было позднее, и людей встречалось по дороге, куда шел разбалансированный мужчина, всё меньше и меньше. На небе обозначилось еще с десяток ярких звезд. Ветер разогнал всякую облачность. И круглая луна, покрытая фантастическими пятнами и замысловатыми очертаниями, бросала на пешехода свет небесного величия и неземной красоты.

Сверху, конечно, всё было видно и понятно. Кто, зачем и куда идет. Так сказать, не просто по земле, а по дороге своей судьбы. По пути, выбранному обдуманно или выхваченному на авось. Ох, и не простая это задача – пронести себя, своё существо через все изгибы и овраги, узкие проходы и проезды через заторы, тупики, обрывы и ямы. Через целый лабиринт с препятствиями и преградами на пути. Что-то незримое, неведомое переносит людей от начала, от самого рождения и ведет по закрытым от сознания тропам Роковых событий. Не хотелось, конечно, чего-то дрянного, мучительно-ужасного, приносящего горе и страдания. Конечно, не хотелось, а оно вдруг возьми и случись.

Лев Петрович Серенький свернул с набережной влево и очутился на узкой улочке. Пройдя еще метров 50, зашел в полутемный переулок. Там, кроме загадочного и призрачного света полной луны, другого освещения не было. До родного дома оставалось пройти еще несколько десятков метров. Петрович вошел в тень высокой шестнадцатизатяжки. И здесь вдруг из-за деревьев, стоящих в полумраке возле мусорных баков, появилось двое совершеннолетних, а, может, и нет, парней.

- Мужик, дай закурить, – услышал он глухой говор одного из объектов. Сигарет у Серенького не было. Он последнюю выкурил еще на остановке.

- Нету... нету у меня курить, – только и успел произнести Лев.

Двое в темном стояли очень близко, на расстоянии полусогнутой руки. И не успев что-то сообразить, Петрович вдруг получил резкий удар в правый глаз от стоящего слева. Голова Серенького отлетела назад, и он пошатнулся. Второй быстрый и резкий удар в нос заставил его схватиться руками за свое лицо. Потом что-то очень тяжелое, похожее на камень или кирпич, ужасно обрушилось на голову находящегося в шоке Льва Петровича. Бывший работник органов застонал и с закрытыми глазами упал на сырую, замусоренную землю.

Во двор высотных домов, стоящих по периметру прямоугольника, влетел ветер с набережной, пробежал низко над землей, потом, поднявшись, зашуршал по сухим пропеллерам акации, потревожил веточки одиноко стоявших невдалеке кустарников жасмина и вылетел вон в широкие щели между домов на свободу. До Пасхи оставалось совсем немного, каких-нибудь дней пять – не более. Но пораженный таким неожиданным поворотом событий, Лев Петрович Серенький этого знаменательного события уже не ощущал. Его хрупкое и разочарованное сознание находилось в другом измерении.

А н а т о л и й К у л ь ч и ц к и й

* * *

Запели скрипки,
Ахнул контрабас,
О чем-то бился барабан в экстазе.
Чуть слышно флейта
Начала рассказ,
И струны дрогнули
У арфы на каркасе.

Звенел угольник,
Плакала свирель
Над трудною судьбою человека...
Он терпеливо
Слушал эту трель,
Ловя созвучия
Высоким меркам века.

* * *

Люди спорят, кто ближе приходится Богу,
Чьи молитвы быстрее к нему донесутся,
Кто вернее, чем прочие выбрал дорогу...
Люди спорят, а Боги – смеются.

Š

* * *

Кто то делает из слов украшения,
Набирает из слов амулеты,
Собирает из слов подношения
Или дарит миру сонеты.

* * *

Как хочется порой судьбою быть
И со всего размаха клейма ставить,
За все воздать, на все миры ославить...
Себя в пример поставить не забыть.

* * *

Окружают нас вечной загадкой цветы,
Их улыбки и взгляды зовут и волнуют,
Пробуждают надежды, приносят мечты
И свои лепестки нам на счастье даруют.

Ю р і й К у л і н і ч

* * *

Ніч наступила, зіроньки сяють,
Ти вже заснула, наче дитя.
Хай тобі сниться доля щаслива,
Перегортаю книгу життя.

Мучусь без тебе – мрію, сумую,
Думи ревниві жєну дурні:
Перси чарівні не я цілую
Вогнем кохання у віщїм сні.

Ночі безсонні – не можу спати,
Стискаю зуби, щоб не ридать,
Може присниться тобі, кохана,
Сяйво небесне та благодать.

Š

Спогади

Пам'ятаю ту мить, як зустрілись з тобою.
Весняна березнева пора зацвіла.
Ти позвала мене своїм поглядом ніжним,
В світ казковий кохання мене повела.

Погляд твій несміливий, як сяйво весною,
А сама загадково-чарівна була.
Ти позвала мене своїм поглядом ніжним,
В світ казковий кохання мене повела.

Ти була недосяжна, як зірка небесна,
І світилася, наче ранкова зоря.
Ти позвала мене своїм поглядом ніжним,
В світ казковий кохання мене повела.

§

* * *

Щодня тебе бажаю бачить,
Щоб горе й радість розділить.
Щодня твій голос хочу чути,
Та доля в нас – в розлуці бути.

Для мене ти – роса ранкова,
Що душу й рани заживля,
Зоря жадана, верескова,
Жива вода, ромен-зілля.

Š

* * *

Ту зустріч довгождану
У дар нам Бог послав.
Хоч пізню та жадану, -
Я так її чекав.

Ми стрілись, зашарілись,
Мов нам по двадцять літ.
І мрії враз здійснились,
І став чарівним світ.

Š

Пізнє кохання

Наше пізнє кохання чи не Бог дарував,
І п'янке, і солодке, що це гріх – хто сказав?
Вже роки похилі – маків цвіт запалав,
Спалахнуло мов магній, долю я не благав.

Ти як квіточка ніжна розцвіла, зацвіла,
Мов під дощик попала калина-краса.
Скільки років чекала, чи не прийде весна,
Усміхнулася доля, змилюстилась вона.

Чи тривале це щастя – не знає ніхто,
Та відчула жіноча душа це тепло.
Розлилося тепло це у серці, в душі,
Як те сонячне сяйво, що приснилось у сні.

§

* * *

Було це весною
В гірському краю.
Стояв під сосною
Я мовби в раю.

Тут ходу знайому
Доніс вітерець
І запахи ніжні парфум.

Підходиш до мене
Легкою ходою.
А сонце весінне
Сіда за горою.

Уста твої ніжні,
Як спілії вишні.
І посмішка сяє з душі.

Дивись на верхів'я,
Там сніг ще біліє.
Смерека на схилах,
Як скло зеленіє.

Š

Карпати

На чарівних верхів'ях
Сріблястий сніг лежить.
А на зелених схилах
Мільйон смерек стоїть.

Поміж горами вічно,
Як вічне те життя,
Тече вода всерічно
В далеке майбуття.

* * *

На верхів'ях чарівних
Сніг лежить прозорий.
А на схилах кам'яних —
Килим смерековий.

Поміж гір тече вода,
Мов блакить казкова.
Напуває всіх вона,
Освіжа довкола.

* * *

Не пробуй жіночку скривдити,
Якщо полюбиш та поймеш.
Ти спробуй душі поріднити –
Тепло й кохання збережеш.

Тому що кожна жіночка – синичка,
Якщо не по душі, махне крильми.
І згаснуть почуття її, як свічка,
Загубиться вона поміж людьми.

Та не забудь, що жіночка – троянда,
Природи досконалість чарівна.
Щодня освідчуйся в коханні,
В сім'ї розквітне щастя та весна.

Š

Знайомство

Ми з Вами на танцях зустрілись
О березневій порі.
Я запросив Вас до танцю,
І закружлялися ми.

Музика линула, линула,
Час пролетів, як у сні.
Очі твої волошкові
Потім наснились мені.

Так зародилось кохання,
Швидко, так – я й не чекав.
І стало сумним прощання,
Лиш тільки від'їзд твій настав.

Тепер листа тобі пишу,
Освідчуюсь в коханні.
І зустрічі з тобою жду,
Та довгі дні в чеканні.

Š

В твоїх листах тривога і журба

В твоїх листах тривога і журба,
І сумніви в моїм коханні.
Хай розлучила нас судьба,
Але повір моїм зізнанням.

Про першу зустріч пам'ятаю,
Про ніжні руки твої мрію,
Твоїх очей не забуваю,
До тебе полечу у вирій.

Але не маю крил летючих,
Тому і ночі й дні гнітючі.
Для мене ти прекрасна, чиста,
Немов черешенька розквітла.

І не сумуй, що не весна,
Це наша осінь підступає.
Чарує нас осіння краса,
І ніжно я тебе кохаю.

Š

Надія

Ти сьогодні далеко від мене,
В чарівному сільському краю.
Я сумую, кохана, без тебе,
Я всю ніжність тобі віддаю.

І день і ніч про тебе пам'ятаю,
Переді мною завжди образ твій.
Голубонька моя, тебе кохаю,
Бо щастя ти, і радість, і мій біль.

З тобою ми надіємось на зустріч,
Кохання наше розгориться знов.
Я обніму тебе і поцілую міцно,
Бо в світі є таки любов.

Людмила Некрасовская

Волчица

Снова город ночной рукотворные звезды зажег,
Отпугнув темнотищу - голодную злую волчицу,
Не успевшую сделать последний коварный прыжок,
И, проспекты подмяв, их беспомощностью насладиться
И агонией звука, и бельмами окон слепых,
От нее закрываемых шелковой кожицей шторок.
Обжигают огни. Дикий зверь затаился, притих,
Выжидая, когда утомленный расслабится город.
Лишь под утро, лакая реки почерневшую кровь,
На востоке почует рассвета нечаянный запах,
Громко лязгнет зубами, нарушив дремоту дворов,
Зло оскалясь, отступит, качнувшись на дрогнувших лапах.

§

Бог – старенький сторож в небесном саду

Бог – старенький сторож в небесном саду –
Гремел колотушкой, покрикивал грозно,
Он август созревший задел на ходу.
Как яблоки, сверху посыпались звезды,
А на полотенце махровой травы
На цыпочках утро неслышно ступило.
Уставшее за ночь, бледнело светило,
Еще не успев преклонить головы.
А я, обжигаясь хрустальной водой,
Небесный ранет собирала в корзину:
Друзьям пригодится в суровую зиму.
Вы пили когда-нибудь чай со звездой?

§

Все реже – любимые лица

Все реже – любимые лица.
И я заклинаю: «Держись,
Душа – перелетная птица,
На миг залетевшая в жизнь:
Наполнить любовью котомку,
Почувствовать в этом добро,
Успеть обронить для потомков
На долгую память перо,
Приметить крутую дорожку
И, не постигая конца,
Расклеивать времени крошки
На щедрой ладони Творца».

Этот город печальный и юный

Этот город печальный и юный
С рыжиной одуванчиков первых
То ласкает души моей струны,
То, сорвавшись, играет на нервах.
Он стихи сочиняет к рассвету,
Строки улиц сплетая хореем.
Он сегодня проснулся поэтом
И бузит. Я его пожалею.
Знаешь, город, и я, как немая,
Слово в рифму ищу всю неделю.
Потому-то твои понимаю
Фонари, что глаза проглядели.
Все приемлю: и ритмы, и строки,
Многоточьями площади эти.
А поэты всегда одиноки
Среди многих поэтов на свете.

Там пустота

Там пустота и мрак, и тленье,
Энергетический распад,
Но постоянное стремленье
Вернуться в этот мир назад,
Присниться детям ли, строкою
Созвучье в душах обрести,
Фамильной тонкою чертою
В обличье внуков прорасти,
Всегда с любимыми в обнимку
Быть в застеклённой тишине
На потускневшем фотоснимке,
Давно висящем на стене.

Листва и ливень: две стихии

Листва и ливень: две стихии,
Срывающие с якорей.
Сквозь них плывет осенний Киев
В ночной гирлянде фонарей,
Ноябрьским золотом груженный
От куполов до мостовой,
Где бродит дождь Подолом сонным,
Как неусыпный постовой.

Наберу в ведро перезвон дождя

Наберу в ведро перезвон дождя,
Вскипячу грозой молодой июнь,
Заварю траву и, тебя щадя,
Не вложу в питье горьковатый вьюн,
Поднесу тебе дорогой бальзам,
Чашу редкостной пряной сладости.
Убедишься сам: в наслажденье нам
Зацвели вокруг травы радости.
Ты таких цветов не встречал досель,
Чтоб взошли они – счастье надобно.
Позвони друзьям, пригласи гостей,
И поделимся нашим снадобьем.

Бесконечная лестница в небо

Бесконечная лестница в небо все выше и выше.
Кто идет впереди, те не видят меня. И не слышат
Отстающие все, будто я одинока на свете.
Лишь ступени, ступени, ступени и стонущий ветер.
Мне нельзя на пути оступить и остановиться
Потому, что у всех, кто догонит, суровые лица.
И, быть может, осудят меня не конкретно, а в общем,
Да того и гляди, не заметят и просто затопчут.
А у тех, кто рванулся вперед, ощущаю насмешку.
Я за ними спешу неустанно, стараясь не мешкать,
Но для них навсегда остаюсь только младшей сестрою.
Никогда не узнать им, чего я воистину стою.
Крепко зубы сцепив, поднимаюсь, не ведая лени.
Что меня ожидает? Ступени, ступени, ступени...

Видно, скоро осень

Видно, скоро осень: разлетелись дети,
Постарел внезапно онемевший дом.
Все теперь иначе выглядит на свете:
Предстоит ребятам жить своим умом.
А гнездовье комнат синей грустью дышит,
Стала бесконечной ожиданья нить.
Может быть, приедут? Может быть, напишут?
Может, не забудут завтра позвонить?
Листопад вопросов закружился лихо,
Но о стены гулко бьется тишина.
И молчат подолгу аист с аистихой,
Часто на дорогу глядя из окна.

Я – зеркало. Я возвращаю свет

Я – зеркало. Я возвращаю свет,
А вместе с ним улыбки и кривлянья.
Смешно смотреть на то, как с резвых лет
Вы силитесь привлечь мое вниманье
И чаще отражаться. Вы горды
Своею красотой и юным веком,
И верую в бессмертье человека,
И в то, что можно с зеркалом на ты.
Потом вы реже ищете во мне
Себя. И начинает мне казаться,
Что вы уже устали отражаться,
Охотнее стоите в стороне.
Вы стали шаркать мимо и бочком.
Я покажу, кто вы на самом деле.
Ну, что, мой ненаглядный, поглядели?
Ну, где же вы? Мне душно под платком...

Михаил Журавлев

Ева

Создатель славно потрудился,
Отбросив ложные сомненья,
И миру, наконец, явился
Венец подлунного творенья.

Взамен низвергнутой Лилит,
Чтоб утолить печаль Адама,
Был из его ребра отлит
Прообраз современной дамы.

Украд с Адамом миг познания,
И пообщавшись с мудрым Змеем,
Она ушла во мглу изгнания,
Познать судьбу свою не смея.

С тех пор прошли чредой века,
Но дочерей бессмертной Евы
Владыки властная рука
Влечет из Черни в Королевы.

Они прошли тернистый путь
Царицы Савской и Мадонны,
И груз историй многотомный
Хранит таинственную суть.

* * *

Над морем бледный лик Селены
Ко мне взывает, словно Маг
И, обдирая в кровь колени,
Я восхожу на Аю-Даг.

На каменной спине Медведя
Богине исповедь пою
Про все, что я успел изведать
За жизнь беспутную свою.

Она бесстрастно мне внимает,
Все тайны превратив в гранит,
Безмолвный груз грехов снимает
И от опасностей хранит.

09.11.2008 г.

Партенит, Крым

§

Зимняя сказка

Снежинки плавно вьются в танце,
Ковёр сплетая белоснежный,
И Королевы Снежной пальцы
Моей щеки коснулись нежно.

Вдруг холод в сердце стал струиться
Но, вспоминая участь Кая,
Листаю старые страницы
И в эти сказки не играю.

24.12.2008 г.

* * *

Твоя душа — гремучий сплав
Любви и буйной страсти,
Струит мне запах диких трав
И вкус восточной сласти.

* * *

В твоей душе эмоций переливы
Расцвечены в волшебные цвета,
И дивных чувств приливы и отливы
Колышутся в загадочных устах.

* * *

И в пограничном состояньи,
На грани бодрости и грёз,
Ищу тебя на расстояньи
От атомов до дальних звёзд!

* * *

Что нас к женщинам влечёт:
Сладость губ, волос корона,
Обнаженное плечо?..
Или запах феромонов?!

* * *

Когда красотка «Дева»
Нам круто насолит,
Мы ищем себе Еву,
Находим же Лилит!

§

* * *

Ночные грезы отлетели,
Оставив чуть заметный след,
И тополиные метели
Набросили пуховый плед
На землю, как зимой суровой,
Но разум хочет нам явить,
Срывая тайные покровы,
Рассветом прерванную нить.
Под этим пледом, как в тумане,
Роятся, прячутся и светят
Обрывки тех воспоминаний,
Что нам дороже всех на свете.

§

* * *

Стемнело, тонкий серп Луны
Цепляется за крыши зданий.
И тени зыбкие, как сны,
Напоминают мне созданий,
Рожденных пепельной Селеной,
Чтоб поразить смятенный разум
И дрожь вселить в мои колени,
И страха липкую заразу.
Но, отрешась от наважденья,
Окинув все спокойным взором,
Я получаю наслажденье
От фантастических узоров.

Ирина Ахметшина

* * *

Я забуду цвет глаз,
но запомню их блеск.
Ты напишешь рассказ,
как восходят на крест.
Ты прочтешь мне стихи
со счастливым концом,
скажешь: с пальца стряхни
золотое кольцо.

Твоему колдовству
я поверю на миг.
Но всегда на посту
твой коварный двойник
Он прочтет мне стихи,
он напишет рассказ,
всыплет в чашку стрихнин,
позаботясь о «нас».

И начнется опять
серых дней круговерть.
Мне тебя не понять:
чувств разгул – мысли смерть.
Код штампованных слов
не считать никому.
Ты играешь в любовь,
я играю в войну.

§

* * *

В театре абсурда,
В прокуренном зале,
Пристрастные судьи,
Чего же Вы ждали?
Вам плакать хотелось,
Хотелось смеяться,
Хотелось с героем
Навеки остаться.
Хотелось увидеть
(ведь сказка – не сказка)
Улыбку вампира
Под сорванной маской,
И в снах своих странных,
В мечтах бесполезных
Мечом деревянным
Сразиться с железным.

Вам в буре оваций,
В букетах со сцены
Хотелось узнать
Настоящую цену
Той жизни, в которой
Нет места для страха,
Той песни, с которой
Выходят из мрака,
В которой надежда
Танцует с печалью,
В которой всегда ты
Как в самом начале,
Не чувствуя боли
От колотой раны,
Меч держишь железный
Мечом деревянным !

§

«Саломея» Романа Виктюка

Для ответа не нужно вопроса.
Гордый дух не противится злу.
Фотография Роберта Росса
Через миг превратится в золу.

Я тебя осудить не посмею,
Лишь шепну, как убийца: «прости!»
Ведь слепая душа Саломеи
Здесь не сможет себя обрести.

А постигший законы творенья,
Все поймет, ничего не любя.
Я б упал перед ней на колени,
Чтоб похожим не стать на тебя.

Верен будь, отвергающий чудо,
Лишь гордыне своей да кресту.
Так стоял обреченный Иуда
На уже подожженном мосту.

Так стоять нам на сломе эпохи,
Лик судьбы прозревая в дали.
Наших радостей жалкие крохи
Затерялись в дорожной пыли.

Не поверив ни танцу, ни крикам,
Ни как будто разумным словам.
Пусть покатится в солнечных бликах –
Наконец-то, моя – голова.

* * *

Жить в глуши, любви не ведая,
не считая слез и слов,
только прежними победами –
дымом тлеющих костров.

Уходить из дома за полночь,
возвращаться на заре,
и пустые будни праздновать
в светлом доме, как в норе.

Улыбаться на прощание,
пряча слезы, приходить,
верить лживым обещаниям,
а правдивых не ценить.

И, в конце концов, в отчаянье –
все равно, что миг, что год –
вдруг взглянуть в глаза печальные
и забыть о том, что ждет.

Не гадая, явь ли, сказка ли,
принимая все, как есть,
холод льда в глазах неласковых
даже счастьем предпочесть.

А потом ночами жаркими –
с каждым годом все острее –
бредить одиноким сталкером,
мне явившемся во сне.

§

Евангелие от

Под разорванным небом –
верь избитым клише –
нет ни зрелищ, ни хлеба,
ни покоя душе.

Нет ни правды, ни веры,
ни греха, ни добра.
Все уродство химеры –
лишь сознанья игра.

Но не знающий чуда
был клеймен неспроста
поцелуем Иуды –
поцелуем Христа,

чтоб пройдя через войны,
захлебнувшись в крови,
стать в шеренгу достойных
промолчать о любви,

чтоб над горем и ложью
донести эту весть –
что лишь сердцем возможно
повесть сердца прочесть.

§

* * *

То ли синее море,
то ли белая яхта,
то ли радость и горе,
взгляд, не ведавших страсти.

То ли дом для безумцев.
Чай остывший в стакане.
Жизнь подносит на блюде
исполнение желаний.

В череде превращений,
в танце целей минутных
станешь собственной тенью
или светом кому-то.

Но в комедии нравов
за стеклянным фасадом
призрак драмы кровавой
скалит зубы злорадно.

Жизнь плетется по кругу
Дуб по-прежнему – желудь.
И ответом испугу
смех несется веселый.

Нет в сомнениях проку.
Ложь рождается в спорах.
Просто клюквенным соком
нас пугают актеры.

Что нам случай подарит,
то несчастье отнимет

в этом синем угаре,
в том, придуманном, мире.

Ром, разлитый по кружкам,
дым от лодки горящей.
Пистолет был игрушкой
только кровь настоящей.

§

* * *

Я хотел бы встретить Вас.
Но судьба у нас иная.
Пью с утра холодный квас.
Матерясь, трясусь в трамвае.

Проклиная эту жизнь,
календарь ее листаю.
Но себе твержу: «держись!»,
по ночам о Вас мечтаю.

Глас народа – Божий глас.
Водки нет – довольно пива.
Я хотел бы встретить Вас.
Только Вам не пофартило.

§

* * *

Не смотри мне в глаза –
лучше рядом стой.
Ты по-прежнему «за»,
но не чувствуешь строй

Ты – по-прежнему крик
безголосого рта,
чуть растянутый миг
перед шагом с моста.

Легкий призрак любви,
и расплаты картечь.
Точный час назови
неназначенных встреч.

То ли в сердце металл,
то ли чувства – обман,
то ли ты никогда
не читал наш роман.

§

* * *

– Ты меня любишь ?
– Нет
– Веришь?
– Ни в коем случае.
– Знаешь, а твой ответ
слишком звучит заученно.

– Ты меня знаешь?
– Да
– Помнишь?
– Ну да, наверное.
– Слов утечет вода,
слезы измерив временем.

– Ты мне прощаешь ?
– Нет.
– Но понимаешь?
– Может быть.
– Тусклый, пустой рассвет.
Чувств и понятий крошево.

Этот привычный бред –
путь победить отчаянье.
– Ты меня любишь? Нет?
Все-таки, да ?

... Молчание.

Анастасія Теплякова

Грайлива жорстокість

О, не порушуй всі питання
І не плетись в мороз до ганку.
Якщо він каже: «Не засну»,
То хай промучиться до ранку!

А раптом плаче, що в розпуці
Вірші свої він викидає,
Так краще зовсім не писати –
Бо так дерева зберігає.

Якщо він каже, що без тебе
Йому життя зовсім немає,
То без істерик – так і треба.
Як хоче смерті, – хай вмирає.

Š

Мій інкуб

ЦИКЛ

1.

Я одна у порожньому сумі,
Я одна в тихій синій вікон.
Нікотином огорнуті думи.
Я покликала... Він не прийшов.

2.

Солодкі омани. Розчулені очі.
Він знову приходить. Приходить щоночі.
Кохаю. Страждаю. Але – не чекаю.
Хрестом його з хати. Хрестом – виганяю.

3.

Він в серце ніж встромив мені.
І в срібну чашу кров стікає.
Розтануть груди у вогні.
Він вбивця мій, а я – кохаю.

4.

То світлим янголом він стане,
То перекинеться на птаку...
Але червоні очі-рани
Розкажуть знов, що він є прахом.

5.

В кутку завішу срібний хрест,
Ікони в скриню покладу.
Гарчатиме надворі пес...
Та я за руку проведу!..

Сергей Кучеренко

Электричка

поэма

Как будто кошка пробежала,
Бежала – душу поскребла.
И хочется начать с начала,
Да только слишком жизнь мала.
Сидим в потёртой электричке,
И протираясь в ней до дыр,
Мы через стёкла по привычке
Глядим, глядим на внешний мир.
Там солнце, ржаво зубоскаля,
Бросает розовый кирпич
Туда, в невидимые дали,
Где по лесу гуляет дичь.
Природа ухкает здоровьем
От головы до живота;
По полю мчится поголовье
Когда-то нужного скота.
Деревья, вырвавшись из тени,
Суют объёмный свой фасад,
Как будто стыдно им со всеми,
Из строя выйти норовят.
Жара размазывает окна,
Асфальт заброшенных платформ
Танцует, как пустая рокла,
Как твой мобильный телефон.
Среди цветов, таких любимых
В прожитой юности моей,
Раскинулись пустые бивни

Кровавых воен, злых затей.
В окопах тех маячит знамя,
И холм, запутавшись в траве,
Кричит, что места нет, он занят,
Их слишком много здесь, в земле.
Как будто хаос репродукций,
Художник пьян, ушёл в запой
И не оставил ей инструкций,
Природа не в ладах с собой.
И опадают птицы с фресок,
Летят на поиск лучших мест,
И вот, доселе неизвестный,
Ползёт сквозь краску дерзкий текст.
Листая, не читая книжку,
Страницу новую открыл:
Вагон забитый, даже слишком,
Бессовестно и зло хамил.
Слова точёные помногу
Летели лезвием в плечо:
«Здесь старикам всегда дорога,
А молодым везде почёт».
И ссора сыпалась за ссорой:
«Куда ты лезешь? Я стою!»
И даже шутки в разговорах:
«Проход, простите, по рублю».
Всё истекало жирной скукой,
От скуки плавился жирок,
А поезд вдруг увлёкся стуком
И барабанил в стык дорог.
Смешалось всё, и мне казалось,
Что сей вагон сошёл с ума.
Исчезли доброта и жалость.
Неужто, так и вся страна,
Сама себя не узнавая,
Стучит, и рвётся, но куда?
Представил я: от края к краю
По полю мчатся поезда,

И каждый лезет и грохочет,
И направлением он горд;
В вагонах же друг друга топчет
По кость оципаный народ.
Я не хотел об этом думать
И стал смотреть по сторонам:
Вон – забавляется фортуна,
Таская карты по рукам,
Вон – бабушка орёт на внука
За то, что тот игрив и мал,
а вон – девчонку убаюкав,
поёт наушник, что устал.
А там легко так пьётся водка
И старый, всем известный гимн
Ползёт по тамбуру из глотки,
Вонзаясь в сигаретный дым.
Там люди пьются в журналы,
А там не пьются вообще.
И вот псевдополитик – с жаром,
В нарочно стареньком плаще –
Толкует о простом и вечном,
О том, что жизнь – не хлеб с икрой.
Старушка (ей он первый встречный)
В ответ качает головой.
И все хотели б с колокольни
Плевать друг другу в след хромой,
А я смотрел, и стало больно,
Ведь мы такие же с тобой.
Мне тот же мрак ползёт под кожу,
Я ненавижу жизнь и смерть,
А ты... мы так с тобой похожи,
Что нет возможности терпеть.
Я тосковал, мой взгляд случайный
Упал напротив, чуть левей,
Среди всей публики нахальной.
Среди убогих королей,
Средь криков, запахов и вкусов.

Среди голодных красных лиц,
Средь нерешительности трусов,
Душевных тюрем и больниц
Скиталец давний и бывалый,
А может быть деревни сын,
Ловя глазами полдень алый,
Сидел без общества, один.
Он молод был, но седовласый,
Он ехал, будто чуть шутя,
Не набивался к этой массе
Ни в кумовья, и ни в зятья.
Ты спросишь, кто он, — я не знаю,
Хоть детективы по зубам,
Но правду вряд ли угадаю
И ручке врать, прости, не дам.
Возможно, был поэт, а может,
Поэтом не был, значит, был
Он тем, кто строк в стихи не сложит
И зря не выпишет чернил.
Возможно, был простой рабочий,
А может, в поле сеял рожь,
Или квартиры грабил ночью —
Так с виду вряд ли разберёшь.
Скажу одно: одет был просто —
Футболка, джинсы и загар,
В плечах был уже, выше ростом,
А взгляд не по годам был стар;
Казалось, смотрит сквозь предметы, —
Теперь такие не куют, —
Ах, взгляд! он сыпал фиолетом,
В печаль и нежность был обут.
А парень тот чуть робко, тихо
Улыбку лёгкую дарил.
Всё уносило свежим вихрем,
Тоска и скука в пол без сил
Врезались с лёту, разбивались,
Осколки разносились прочь.

И вот теперь мне показалось,
Что из души уходит ночь.
Я посмотрел в окно – как сложно,
Мне было сложно взгляд тянуть.
А там, за пылью за дорожной
Упрямо вился вольный путь,
И мчался велик, и мальчишка
Девчонку вёз за облака,
А по бокам посадок стрижка,
И солнца нежная рука
Кудрявый непокорный локон
Хотела к месту уложить...
Разбило вдруг мембрану окон,
Сквозь стёкла протянуло нить,
И свет луча ворвался в души,
И становилось всё кругом
Немного чище, чем-то лучше –
Наушник, люди, сам вагон
Заулыбались добро, мило,
Свои улыбки мне даря;
Печаль покрылась лёгким илом,
Глотая правды якоря.
А та всё билась и страдала,
И тут же в муках родила.
В вагон с ближайшего вокзала
Вошла, как смерть, белым-бела,
Со взглядом хмурым, резким, жёстким,
С иллюзией взамен лица,
В кармане спрятав плеть и розги,
Без обручального кольца,
Кассирша. Может быть и хуже,
А хуже только контролёр:
кассир пройдёт, раз нам не нужен,
но контролёр – он ведь хитёр,
он как гаишник на дороге,
ему нажива дорога,
коварный, злой и очень строгий,

он будет вас пилить, строгать.
Пока не сделает монету.
Билет он дорого продаст,
В толпе мелькнёт лишь силуэтом,
Как пластилина чёрный пласт.
Народ сжимался, будто смяли,
В карман упрятав свою честь,
Как пух лебяжий в одеяле,
Он мягким стал: «Билеты есть!».
И подхалимные наряды
Надела речь и каждый жест,
И все твердят, что очень рады,
И все твердят: «Билеты есть!».
А те, кто врут, не прячут глазок –
Им и в глаза врать по плечу,
Но страх затянет сеть повязок,
И мямлит кролик: «Заплачу!».
А я смеялся с пошлой сцены,
Хоть был таким же – я платил,
Я чувствовал клеймо измены
На перьях выдуманных крыл.
Я понял вдруг, что в этом мире
Нам всем приходится платить:
Ты платишь за вино в трактире,
А кто-то платит, чтобы жить,
Тот за долги напишет повесть,
А тот склепает вам роман,
А кто за долг приносит совесть,
Взамен купив самообман,
А кто-то платит даже жизнью
За давний и всеобщий долг.
Ты знаешь, кто? И зубы стиснув,
Я взгляд засунул в потолок.
Я помнил не один проступок,
Я был свидетелем смертей,
Да я влюблялся в проститутку!
И я воспитывал детей.

Я видел страх в глазах победы,
Когда упорство шло без сил.
Я локоны копил на дреды,
А после их «опаской» брил.
Я видел: девочка над миром
Сказала: «Женщина», – и всё.
Немея, задыхалась лира,
И локти искусал Басё.
Я видел много, меньше делал,
Я много слушал и молчал,
Мне близок изгнанный Акелла,
Который сам себя изгнал.
Но я не видел, чтобы солнце
Затмил собою человек.
Погас, и пепел незнакомца
Упал, как прошлогодний снег.
И не дождавшись остановки,
Растаял. Мир на миг умолк...
И снова зазвенел без толку
Колёсной парой в стык дорог.
Я жил, я был куском Вселенной,
Она крошилась в порошок,
И каждый стал лишь теоремой,
Пуская доказательств сок,
А аксиомы не заметил.
Гуляй же, пой, слепой народ.
Тот парень был и чист, и светел,
Но жизнь твоя и так пройдёт.

40 років натхнення

З історії літературної студії «Вуглик»

Літературна студія „Вуглик” («Уголёк») була створена в Дніпропетровському гірничому інституті 10 грудня 1968 року, о 14 годині.

Мабуть, є щось поетичне в гірничій професії, бо вже кілька поколінь студентів і викладачів Національного гірничого університету підтримують літературну студію своєю творчістю.

Першим старостою літстудії був студент групи ЕП-65-2 Олексій Мартиновський. Разом з ним у першому засіданні цього творчого колективу брали участь Олексій Крестьянінов, Наталка Нікітіна, Валерій Лоцинов, Любов Куриленко, Михайло Трифонов. Поруч зі студентами знаходилися і їх натхненники, старші товариші: керівник інститутської бібліотеки Наталя Олександрівна Фоменкова і бібліотекар Марія Федорівна Єлінська.

5 червня 1970 року відбувся III міський конкурс молодих поетів Дніпропетровська, на якому літературній студії було присуджено I місце. А далі були інші конкурси, зустрічі з читачами, участь у літературних семінарах.

1971 рік став знаменним для „Вуглика” тим, що літстудія випустила свій перший літературний альманах «Перші кроки», надрукований на ротапринті.

Навесні 1975 року відбулось перше вручення дипломів літстудії. На той час літстудія увійшла до факультету громадських професій Дніпропетровського гірничого інституту. Всі, хто відвідував засідання цього творчого колективу набував громадської професії „Літературний працівник, кореспондент”.

На початку 80-х років літстудія продовжувала працювати. Збиралися на засідання, обговорювали нові

твори, випускали стенд „Вуглика”, регулярно друкували поетичні здобутки студійців в інститутській газеті „Артемівець” на „Літературній сторінці”.

До кінця **80-х** років члени „Вуглика” під керівництвом Тетяни Ващенко займалися популяризацією літератури серед студентів. Вони розповідали про творчість відомих поетів, читали їх вірші, робили театральні етюди.

Основним завданням „Вуглика” тих часів була організація Маяковських читань, що проводилися щорічно в пам'ять про відвідини Володимиром Маяковським (березень **1928** р.) Дніпропетровського гірничого інституту, де він виступив із лекцією про радянську поезію.

У **1990** році директором бібліотеки Гірничого інституту стала Ольга Никифорівна Нефедова. Літстудія тоді не працювала, керівника не було. Але поети продовжували приходити до бібліотеки зі своїми творами. Відчуваючи, що потреба у літстудії не щезла, директор бібліотеки вирішила поновити роботу „Вуглика”.

У **1999-2003** роках літературною студією керувала поет Галина Сідлецька. Досвідчений організатор, літератор, який гостро відчуває смак слова, вона користувалася повагою та авторитетом серед студійців.

У жовтні **2004** року творчий колектив очолив письменник Євген Прудченко, який став студійцем ще у **1978** році, а на початку **80-х** років був старостою „Вуглика”.

Якою є літературна студія сьогодні?

Перш за все, це – творчість. Це – вірші, які звучать на засіданнях щосереди. Це – всебічний аналіз творів, поетичні тренінги і поетичні змагання. Це – розвиток і поліпшення майстерності поетів.

... Лунають нові вірші, зароджуються нові літературні проекти. І можна сподіватися, що перші сорок років – то лише початок довгого творчого життя.

Зміст / Содержание

Вступне слово	3
Вступительное слово	4
Любовь Томская	5
Галина Алексеева	16
Ігор Пістунов	21
Ирина Найдовская	39
Наталья Хорунжева	49
Виктор Токарев	61
Анатолий Кульчицкий	67
Юрій Кулініч	69
Людмила Некрасовская	79
Михаил Журавлев	89
Ирина Ахметшина	95
Анастасія Теплякова	104
Сергей Кучеренко	106
40 років натхнення. З історії літературної студії «Вуглик»	113

Літературно-художнє видання

Берег поезії

Альманах літературної студії «Вуглик»

Підписано до друку 2009. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Ризографія. Умовн. друк. арк. .
Обліково-видавн. арк. . Тираж 150 прим. Зам. №

Віддруковано в ТОВ «Інновація».
49006, м. Дніпропетровськ, вул. Свердлова,70.
Свідоцтво про внесення до Державного Реєстру
ДК № 1761 від 22.04.2004 р.
т/ф 36-02-81
e-mail: innovaciya@list.ru